

Опустошенная душа —
    волной в обрыв, слезой в пустыню.
Она хранила, чуть дыша,
    словно порыв, одну святыню.
Она пыталась одолеть —
    звездой в ночь — и тьму, и стужу.
Осталась одиноко тлеть —
    из тела прочь — огнем наружу.
Но злое слово «никогда» —
    стрелой в грудь, под сердце, дико.
Одна, — и в этом вся беда.
    Прости, забудь, — и вырви с криком.
Но нет ни следа в пустоте,
    одни глаза. А взгляд — беззвучен.
Ни огонька. Вокруг — не те.
    Пройдет гроза, не станет лучше.